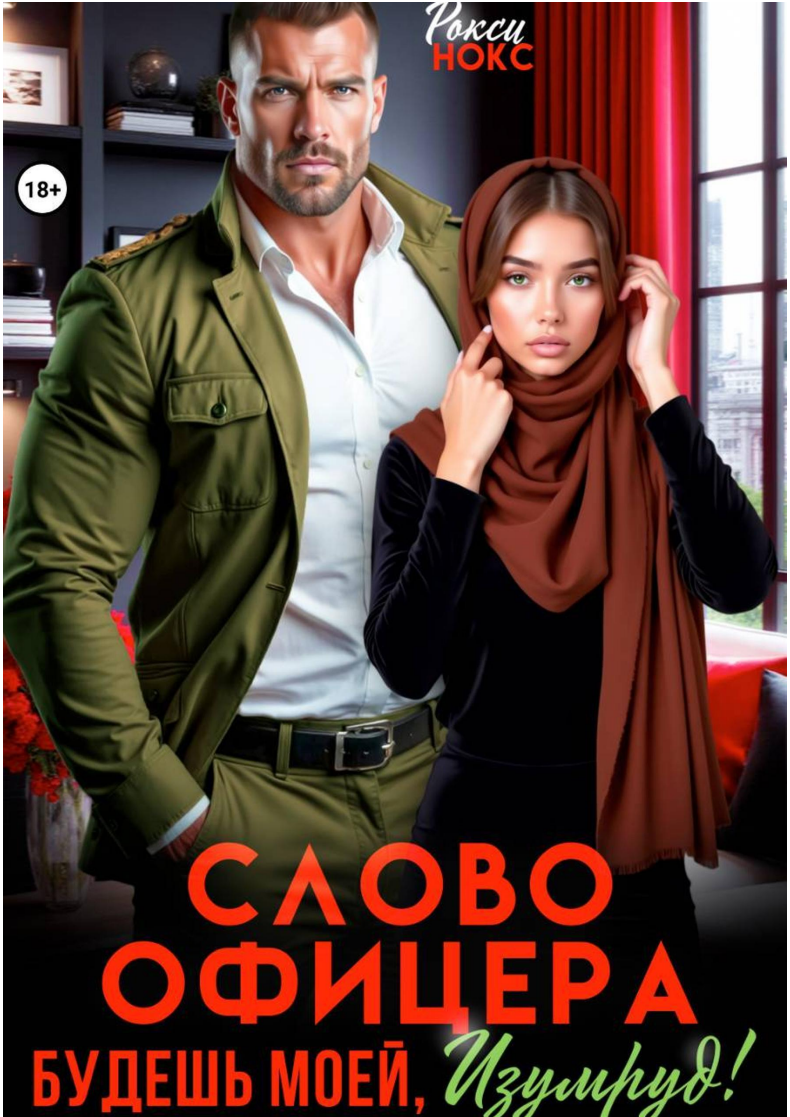

Рокси
НОКС
18+
СЛОВО
ОФИЦЕРА
БУДЕШЬ МОЕЙ, Изумруд!

Рокси Нокс

Слово офицера. Будешь моей, Изумруд!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73406838
SelfPub; 2026

Аннотация

– Ты для меня мертва, Зумруд. Проваливай, пока не отдал тебя на потеху роте, – эти жестокие слова мужа бьют наотмашь.

Белоснежная простыня в брачную ночь без единого пятна и ложное обвинение в измене разрушили мою семью.

Меня вышвырнули из дома. И я, отринув гордость, отправилась вслед за мужем Алиханом в военную часть, наивно надеясь доказать ему свою порядочность. Но вместо раскаяния любимый человек отдал меня на забаву своим друзьям…

Полковник Алхазов не просто спас меня от позора, он обещал защиту и покровительство, но в суровом взгляде стальных глаз читалось иное: теперь я безраздельно принадлежу ему.

Все персонажи и события вымышлены, к реальной обстановке в России и на Кавказе отношения не имеют.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	34
Глава 7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Рокси Нокс
Слово офицера.
Будешь моей, Изумруд!

Глава 1

Солнце находится в самом зените, пут струится по спине, а я стою в лабиринте нашего сада, среди старых персиковых деревьев, по распоряжению мачехи.

Голову напекло. Ведро у ног уже почти полное. Аромат бархатных персиков кружит голову, смешиваясь с запахом полыни, долетающим с ветром с окрестных склонов.

Вдруг тишину знойного дня разбивает топот босых ног по сухой, растрескавшейся земле.

– Зумруд! Зумруд! – из-за забора вылетает соседский мальчик, запыхавшийся, с раскрасневшимся лицом.

Замираю, так и не донеся сорванный персик до ведра. Мальчишка останавливается, хватая ртом воздух:

– Алихан приехал! Он на площади! У мечети!

Пальцы разжимаются сами собой.

Персик падает в пыль, но я этого не замечаю. Жестяное ведро, задетое подолом платья, опрокидывается, и оранжевые плоды рассыпаются по траве. Мачеха будет в ярости, но

ее гнев сейчас так далёк, так несущественен.

Я бегу, не разбирая дороги. Прочь из сада, через кривую калитку, мимо каменных дувалов, не чувствуя, как острые камешки впиваются в ступни.

Платок сползает на плечи, ветер бьет в лицо, принося запах дорожной пыли.

Вижу его издалека. Он стоит у старой арки, высокий, возмужавший, в армейской форме. Краси-ивый!

Его взгляд ищет меня в толпе, и когда наши глаза встречаются, мир вокруг просто перестает существовать.

Я налетаю на него, как горный поток на валун. Алихан подхватывает меня, отрывая от земли, и я утыкаюсь носом в жесткую ткань его кителя, пахнущую вокзалами и табаком.

Его руки сжимают меня так крепко, что перехватывает дыхание. Но я счастливо смеюсь.

– Ждала? – шепчет он прямо в ухо, и я чувствую, как его сердце колотится о мои ребра в унисон с моим.

Отстраняюсь совсем немного, только чтобы заглянуть в его потемневшие глаза, и просто киваю, не в силах вымолвить ни слова из-за сжимающего горло счастья.

– Ждала, – наконец выдыхаю я, и этот звук теряется в складках его одежды.

– Значит – женюсь! – заявляет Алихан громко, на всю улицу, и его голос разносится над крышами домов. – Я женюсь на Зумруд, все слыхали?!

Свадьба шумела на все село: столы ломились от хинка-

ла, разнообразных овощей и ароматного мяса, а лезгинка не смолкала ни на минуту.

В разгар веселья один из захмелевших родственников, приобняв Алихана, хохотнул и шепнул ему что-то, указав на Самира – лучшего друга Алихана. Мой жених мгновенно изменился в лице.

Улыбка сошла с его губ, он насупился и до конца вечера уже не сводил с меня тяжелого, изучающего взгляда.

Когда наступило время, нас под ободрительные выкрики и шутки гостей проводили в дом.

Оставшись с ним наедине в тишине спальни, я почувствовала колючее напряжение. Алихан не спешил приближаться ко мне. Он долго молчал, глядя в окно, а затем глухо спросил:

– Зумруд, правду ли болтают люди? Говорят, Самир к тебе наведывался, пока меня не было?

Самир вернулся из армии на полгода раньше, чем Алихан, и за это время я видела его от силы раза три-четыре. Он пытался поговорить со мной, но я быстро уходила, зная, что это запрещено.

Поднимаю на мужа глаза, полные искреннего непонимания, и твердо отвечаю:

– Неправда это, Алихан. Кроме тебя, в моем сердце и в моем доме никого не было. Клянусь Всевышним!

Алихан всматривается в мое лицо. Его гнев отступает, сменяясь нежностью. Он кладет руки мне на плечи и увле-

кает в первый страстный поцелуй. Теперь уже можно. Мы муж и жена.

В эту первую брачную ночь Алихан ласков со мной, словно безмолвно просит прощения за свои минутные подозрения. Я раскрываюсь ему навстречу, плавясь в сильных мужских руках.

– Тебе хорошо, Зумруд? Тебе нравится? – спрашивает вспотевший муж.

– Да, Алихан.

Терпеливо сношу неизбежную боль и благодарю Всевышнего за то, что послал мне такого хорошего мужа. Нетерпеливый, но острожный. Толкается глубоко, но бережно.

– Ты немного суха. Чем мне тебя удивить?

– Я не знаю, Алихан. Это так и должно быть.

– А ты ничего от меня не скрываешь?

Не достигнув удовольствия, Алихан поднимается, и я замечаю, как его взгляд падает на постель.

Он видит безупречно чистую, белую простыню без единого следа.

Крови нет.

Чувствую, как в комнате становится холодно, как в склепе. Вся его нежность мгновенно испаряется, превращаясь в ядовитую горечь.

Он склоняется к самому моему лицу, и я содрогаюсь, слыша его шепот, полный ледяной злобы и ненависти:

– Так я и знал. Обманщица… Лгунья проклятая!

Застываю, не в силах вздохнуть. В его потемневших глазах, в которых еще мгновение назад была любовь, теперь читалось презрение.

Алихан резко отпрянул, словно прикосновение ко мне теперь причиняло ему физическую боль или оскверняло его.

– Ты же поклялась, – цедит он, и его голос срывается на свистящий шепот. – Ты поклялась Всевышним, глядя мне в глаза… – его голос сорвался на хрип, от которого по моей коже пробежал мороз. – Зачем ты это сделала? Зачем вышла за меня, зная, что не девственница?! На что ты рассчитывала, тебя спрашиваю?!

Прикрываю наготу краем одеяла, чувствуя себя так, словно с меня заживо сдирают кожу. Губы дрожат, а в горле застрял сухой ком.

– Алихан, я не лгала тебе… Я не знаю, почему так, – мой шепот едва слышен в наступившей тишине комнаты. – Клянусь, кроме тебя, ко мне никто не прикасался!

– Довольно лжи! – выплевывает он, рывком поднимаясь с кровати. – Твои клятвы ничего не стоят, шлюха. Самир и ты… Да всё село шепчется, а я, как последний дурак, затыкал им глотки, защищая твою «честь»!

– Алихан, выслушай меня, умоляю! Позови врача, позови старших, я готова на любую проверку! – падаю на колени прямо на холодный пол и протягиваю к нему руки.

– Думаешь, получится договориться с кем-то прикрыть твой позор?! Не выйдет!

Алихан начинает стремительно одеваться, его движения резки. Он не смотрит на меня, и это безразличие пугает сильнее, чем если бы он поднял на меня руку.

– Что ты скажешь моему отцу? – спрашиваю я, чувствуя, как ледяной холод подбирается к самому сердцу.

На мгновение он замирает, и я вижу, как напряглись его широкие плечи.

– Я не стану позорить свой род, вынося эту грязь на улицу сегодня, – его голос звучит пугающе спокойно. – Но с этого рассвета ты для меня – никто. Ты будешь жить в этом доме, будешь носить мою фамилию, чтобы люди не смеялись мне в спину. Но ты никогда больше не увидишь моей ласки! Ты будешь искупать этот день до последнего вздоха, Зумруд! Видит Всевышний, я любил тебя, и поступаю с тобой милосердно. Скажи спасибо, что не убил.

– Алихан! – вскрикиваю я, но дверь с грохотом захлопывается за его спиной.

Я выбегаю за ним в коридор и тотчас встречаюсь взглядом со свекровью…

Глава 2

Рассвет просачивается сквозь кухонное окно, подсвечивая мусор и крошки на полу, оставшиеся от вчерашнего праздника.

Я передвигаюсь как во сне, механически собирая со столов остатки еды, застывший жир и осколки разбитого кем-то бокала.

Каждое движение причиняет острую физическую боль, словно мои мышцы налиты свинцом.

Мать Алихана стоит в дверях, скрестив руки на груди. Кожей чувствую её взгляд – тяжелый, липкий, пропитанный подозрением. Она не помогает, только следит за каждым моим жестом, и ее молчание давит на плечи.

– Где Алихан? – наконец разрезает тишину её сухой голос.

Я не поднимаю головы. Сердце делает болезненный кувырок и затихает в горле.

– Странно всё это, – тянет свекровь, подходя ближе. От нее пахнет тяжелым парфюмом, которым она пыталась перебить вонь застарелой мочи. – Чтобы муж сбежал от молодой жены после первой же ночи… Такое в нашем доме случается впервые. Может, ты дала ему повод уйти? Может, в твоем прошлом есть пятна, которые не отстирать никакой водой?

Щеки вспыхивает огнем. Намеки ее бьют наотмашь, жалят ядом. Я хочу крикнуть, что ни в чем не виновата, что

его холод – это ошибка, недоразумение, но слова застревают в горле.

Правда здесь никому не нужна.

– Что вы такое говорите, мама? – выдавливаю из себя, чувствуя, как предательски дрожит подбородок.

– Да не может быть, чтобы мой сын молча ушел после свадьбы! Мне ни слова не сказал, и по поводу простыни, велел не лезть. Отвечай, что у вас произошло!

Не выдержав давления, бросаю тряпку и почти бегом скрываюсь в своей комнате, запираясь на щеколду.

Проходит один день, второй, третий… Алихана всё нет. Его телефон молчит, а постель с его стороны остается нетронутой и ледяной.

Я хожу по дому, как тень, стараясь не попадаться свекрови на глаза, но на четвертое утро плотину прорывает.

– Посмотри на себя! – кричит она, врываясь в гостиную, где я прибиралась. – Из-за тебя мой сын места себе не находит! Знаешь, куда он поехал? Обратно в часть! Сбежал от твоего позора, лишь бы не видеть твоего лица. Сказал, контракт подпишет, и в самое пекло проситься будет!

Она подходит вплотную, её лицо искажено яростью, пальцы впиваются в моё предплечье.

– Если он погибнет, слышишь, дрянь? Если с моего сына хоть волос упадет – это будет на твоей совести. Уехал из-за тебя, шлюха! Сломала жизнь хорошему парню, опозорила наш дом! У-у! Ненавижу тебя!

Её крик звенит в ушах, а я стою неподвижно, глядя в пустоту. В голове пульсирует только одна мысль: он выбрал риск, лишь бы не делить со мной постель. Считает меня гулящей. И самое страшное, что я бессильна что-либо изменить.

Свекровь толкает меня в плечо, и я едва удерживаюсь на ногах, хватаясь за край комода.

– Чего встала? – шипит она враждебно. – Раз ты здесь осталась, будешь отрабатывать каждый кусок хлеба. Иди в ванную, там таз стоит. Чтобы всё было чисто к обеду!

Иду, словно во сне, переставляя ватные ноги.

В ванной комнате стоит удушливый, резкий запах неухоженной старости и болезни. У матери Алихана недержание, и она даже не пытается пользоваться средствами гигиены. В пластиковом тазу горой лежит её белье – грязное, мокрое, вызывающее приступ тошноты одним своим видом.

Закатываю рукава, стараясь не дышать.

Пальцы касаются холодной воды и скользкой ткани. Меня выворачивает изнутри от брезгливости, горло сдавливает спазм, но я стискиваю зубы.

Тру, выполаскиваю, снова намыливаю.

Каждое движение – мой личный ад. Она специально заставляет меня делать это вручную, хотя в углу стоит современная машина. Ей нужно видеть, как я склоняюсь перед ней, как я погружаю руки в её нечистоты.

– Быстрее шевелись, неженка! – доносится её крик из ко-

ридора. – Думала, в сказку попала? Будешь за мной всё дерьмо выгребать, пока сын не вернется. Если вернется… Молись лучше!

Закрываю глаза, и слезы всё-таки капают в мыльную пену. Мне некуда идти. Перед глазами встает безразличное лицо отца и холодный, высокомерный взгляд мачехи Зули.

Я знаю наверняка: если появлюсь на их пороге, мачеха даже не пустит меня за калитку. Она вцепится в этот «позор» как в долгожданный подарок, раздует его до небес, чтобы навсегда закрыть мне дорогу домой.

Единственное, за что я шепчу «Альхамдулиллах» в пустоту ванной комнаты – это за молчание Алихана. Я молюсь так же усердно, чтобы он не подписал этот контракт. Чтобы одумался и вернулся ко мне. Ведь я люблю его! Я не изменяла, я верно ждала!

Но несмотря на всю ту боль, что я ему причинила, он не выдал меня. Если бы кто-то узнал, что муж считает меня нечистой, то моя кровь омыла бы порог этого дома, и никто не встал бы на мою защиту. А так, у них есть лишь одни догадки.

Продолжаю стирать, глядя на свои покрасневшие, огрубевшие от хозяйственного мыла руки.

И что же? Теперь это моя жизнь: быть безмолвной служанкой у женщины, которая меня ненавидит, пока единственный человек, который мог бы меня защитить, ищет гибели? Или Всевышний уготовил мне другую судьбу? И что же мне

делать?

Глава 3

Иду по улице. Тяжелые сумки оттягивают руки, в голове только одна мысль – как успеть закончить все дела до возвращения свекрови из поликлиники?

Вдруг дорогу мне преграждает Самир. Тот самый человек, чье имя разрушило мой брак.

Он делает шаг навстречу, протягивает руки к моей ноше и говорит что-то о помощи, но я почти не слышу его. Страх ледяной волной накрывает меня.

– Уходи! Пожалуйста, просто уйди отсюда! – шепчу, озираясь по сторонам.

– Зумруд, пожалуйста, выслушай меня, – он не отступает. Глаза его горят лихорадочным блеском. Под глазом красуется синяк – видимо метка от Алихана. – У меня есть машина за поворотом, в ней полный бак бензина, в сумке есть деньги. Мы можем уехать прямо сейчас – через горы, в Азербайджан, где нас никто не найдет. Я все продумал.

– Нет, Самир. Никогда, – голос дрожит, но я решаюсь высказать ему всё, что накипело. – Я никуда с тобой не поеду. Я просто тебя… ненавижу! Из-за твоего поведения Алихан решил, что между нами что-то есть. Ты разрушил мою жизнь! Просто оставь меня в покое и исчезни.

Самир делает шаг вперед и касается рукава моего платья – от этого прикосновения меня будто током ударяет. Сбежать

с ним, значит, подтвердить, что я дрянь гулящая. Нет!

– Зумруд, я люблю тебя, – бормочет он. – С того самого дня, как впервые увидел тебя. Я ночами возле твоего дома ходил, хотел тебя увидеть. Ты для меня – всё. Алихан тебя не заслуживает. А я ради тебя готов на любой поступок.

Резко выдергиваю руку, едва не выронив тяжелые сумки с продуктами. Вот оно что! Он ходил в темноте у моего дома, вот люди и подумали, что мы встречались, пока мой жених был в армии!

– Твоя любовь мне только вредит! Уходи, Самир, иначе я закричу так, что все село сбежится.

Вдруг на нас падает чья-то тень, и, обернувшись, я вижу свекровь. Ее лицо перекошено от ярости.

Она подлетает ко мне и с размаха ударяет по щеке, а затем начинает осыпать проклятиями.

– Поганка! – кричит она на всю улицу. – Бесстыжая! Я всё видела! На людях, без стыда! Из-за твоей распутности мой сын поехал на верную смерть! Ты его в могилу сведешь, гадина!

– Мама… вы не так поняли… – выдавливаю униженно и растерянно, понимая, как жалко звучит мой голос.

Она снова замахивается на меня:

– Не смей звать меня матерью! Ты мне никто.

Самир делает шаг вперед, и его ладонь перехватывает руку моей свекрови в воздухе, не давая ей опуститься на мое лицо.

– Хватит, тетя! Не смейте ее трогать.

Свекровь дергается, пытаясь вырваться, но Самир держит крепко, не причиняя ей боли, просто не позволяя ей меня ударить.

– Ах ты… – шипит она, переведя взгляд на него. – Ты еще и защищаешь ее? Значит, правда всё! Значит, она с тобой… трахается! Подлые предатели! Бедный мой сынок!

– Никакой правды тут нет, – отвечает Самир. – Вы стоите на улице и позорите девушку. Вы хоть понимаете, что делаете? Если у вас злость на сына, то не выливайте ее на Зумруд.

Наклонившись, дрожащими руками, поднимаю сумку, которая выскользнула из пальцев. Пакет с мукой порвался, и белая пыль легла на подол моего платья, как позорная метка.

Свекровь, наконец освободившись, тычет пальцем мне в лицо.

– А ты мне рот не закрывай! – кричит она, хотя я и не думала ей перечить. Я не смогу нагрубить старшему, я так воспитана. Даже если меня будут поливать грязью, буду стоять и безропотно всё выслушивать.

Вокруг уже начали приоткрываться двери, кто-то выглянул за забором, кто-то остановился в конце улицы. Свекровь хотела прилюдный скандал.

– Если вы хотите кричать, то хотя бы кричите правду. Зумруд ни в чем не виновата. Алихан уехал потому, что сам так решил. Не надо искать виноватую там, где ее нет.

Свекровь захлебнулась возмущением.

– Ты меня учить будешь? Ты кто такой, болван? – она метнулась взглядом по соседям, будто собирая поддержку. – Смотрите! Смотрите, люди! Он ее защищает! Значит, они вместе! Сбежать хотели!

– Самир… – шепчу, почти умоляя. – Не надо… уйди, пожалуйста. Ты только хуже сделаешь.

Вижу, как по ноге матери Алихана струится жидкость, и это спасает меня от позорного скандала.

Чтобы не оконфузиться перед соседями, свекровь, оглядываясь, шипит мне:

– Неси сумку к дому. Живо!

Она идет вперед быстрым шагом, я – за ней.

Возле ворот дома, оборачивается ко мне, грубо вырывает из рук сумку с продуктами и говорит:

– Чтобы ноги твоей здесь не было! Порог моего дома для тебя навсегда закрыт, и не смей звать Алихана своим мужем!

Тяжелая калитка захлопнулась, едва не задев мои пальцы.

Что же делать?

Я добрела до дома отца, едва переставляя ноги от навалившегося отчаяния. Это была моя последняя надежда. Но когда дверь медленно приоткрылась, и на пороге я увидела не отца, а мачеху, то поняла: меня здесь не примут.

– Я пришла поговорить с папой. Он дома?

Зуля стояла в проеме, скрестив руки на груди, и ее взгляд, ледяной и пронзительный, сразу дал понять: сочувствия здесь ждать не стоит.

– Явилась, позорница? – цедит она сквозь плотно сжатые губы, даже не подумав отойти в сторону, чтобы впустить меня внутрь. – Про тебя по селу такие слухи ходят, что земля под ногами гореть должна. Ты думала, мы тебя здесь с распростертыми объятиями ждать будем после того, как ты доброе имя Алихана в грязи вываляла?

Пытаюсь что-то сказать, но она резко перебивает:

– Домой не пущу. У меня Камиллочка подрастает, красавица и умница, и я не позволю такой, как ты, бросить хоть малейшую тень на ее репутацию. Если люди увидят тебя на нашем крыльце, на нее и смотреть никто не станет, замуж не возьмут. С глаз моих долой! Уходи, куда глаза глядят, хоть в овраге ночуй.

Дверь с грохотом закрылась, отрезав меня от семьи. Я осталась стоять на пустой, продуваемой ветром улице, абсолютно одна. Самир уехал. Да я бы и не побежала с ним…

В этот момент я остро почувствовала, что у меня больше ничего нет.

Единственным близким мне человеком оставался Алихан. Мой муж, который верил сплетням, но который все еще был жив. Я должна поехать в часть и поговорить с ним. Благо адрес есть на конверте. Он любил слать письма домой по старинке.

Я поеду к нему и буду кричать правду, пока он не услышит, пока не увидит в моих глазах ту самую любовь, которую нельзя подделать.

Я должна доказать, что все наговоры – это происки злых языков. У меня ничего нет и не было никогда с его другом Самиром. Я должна спасти его, пока свист пуль и грохот снарядов не разлучили нас навсегда…

Глава 4

Вокзальный гул оглушает. Я спотыкаюсь об платформу, ноги в стоптанных туфлях уже онемели от усталости. В висках чувствуется сумасшедшая пульсация.

Стемнело. Я на окраине небольшого городка. Долгий путь остался позади. И вот они, серые кирпичные стены военной части, обнесенные колючей проволокой. Здесь мой муж Алихан.

Подхожу к тяжелым железным воротам КПП и хватаюсь за решетку. Молодой дежурный в надвинутой на лоб фуражке равнодушно смотрит на мои побелевшие пальцы.

– Гражданка, отойдите от ворот. Здесь закрытая территория, – чеканит он.

– Пожалуйста… – глотаю соленый привкус слез. – Мне нужен Алихан. Алихан Мусанов. Ему нельзя уезжать, понимаете? Скажите, что жена приехала.

– Послушайте, девушка. Никого не велено пускать. И вообще, у вас какой-то подозрительный вид, – окидывает взглядом мой алый платок и черное платье.

– Можно поговорить с вашим начальником? Пожалуйста…

– Уже поздно. Идите домой, не мешайте службе.

– У меня нет дома! – почти выкрикиваю я, и мой голос срывается на надрывный плач. – Нет у меня больше никого,

кроме мужа! Пропустите, ради Всевышнего! Или позовите его сюда.

Но дежурный неумолим…

Куда же мне идти, если не пустят?!

От эмоциональных переживаний начинаю оседать на землю, сумка валится из рук прямо в грязь. В этот момент за спиной дежурного раздаются тяжелые шаги.

Высокий офицер с полковничьими погонами останавливается в нескольких шагах от меня, и я невольно поднимаю взгляд.

Широкие плечи обтянуты выглаженным кителем. Лицо строгое, но не злое: четкий овал с острым подбородком, густые темные брови над глазами, повидавшими слишком многое.

Воротник сидит идеально, подчеркивая сильную шею, а руки – большие, с длинными пальцами, спокойно лежат вдоль тела. Но в этом его спокойствии чувствуется власть, способная одним движением усмирить даже бурю.

– Что здесь происходит, сержант? – спрашивает он глубоким, властным басом, от которого мурашки бегут по спине, а голос эхом отдается в ночной тишине.

– Да вот, товарищ полковник, не уходит. Требует свидания с мужем, – бормочет дежурный, вытянувшись по стойке смирно.

Полковник делает знак рукой – короткий, уверенный жест, и сержант торопливо отпирает калитку.

Офицер подходит ко мне медленно, обувь его тихо стучит по асфальту.

– Как вас зовут? – тихо спрашивает он, наклоняясь чуть ближе. От него пахнет одеколоном с ноткой хвои, смешанным с табаком.

– Зумруд… – шепчу я, едва шевеля губами. – Мой муж, Алихан Мусанов… Он уехал сюда, думая, что я его предала. Я должна сказать ему… я должна посмотреть в его глаза. Если он уедет так, я не проживу и дня. Пожалуйста, товарищ полковник, умоляю вас пропустите! Мне только поговорить. Прошу…

Слова вырываются потоком, и я закрываю лицо руками, чувствуя, как горячие слезы жгут кожу.

– Не надо землю поливать слезами, она и так мокрая от дождя, – говорит он мягко. – Вставайте, нельзя сидеть на холодной земле такой молодой девушке, застудитесь. Пойдемте.

Он помогает мне подняться, поддерживая под локоть с неожиданной нежностью для такого сурового мужчины, и ведет за собой через плац.

Его шаги уверенные, широкие, я еле поспеваю, вытирая лицо рукавом.

Мы заходим в административное здание, где пахнет табаком, свежей бумагой и чаем.

Его кабинет встречает тишиной, мягким светом настольного светильника с зеленым абажуром, бросающим теплые

блики на карты, папки и потертый кожаный диван. На стене висит портрет главнокомандующего и полковая символика, на столе лежит красивая ручка и пачка сигарет.

– Садись, Зумруд, – он указывает на глубокий стул с высокой спинкой напротив своего стола, и я опускаюсь на него.

Через минуту передо мной оказывается надтреснутая кружка с крепким горячим чаем. Полковник сам насыпает туда две ложки сахара, аккуратно размешивает и пододвигает ко мне.

– Пей. А то и слова связать не сможешь, когда увидишь его, – говорит он. Достает из тумбочки пачку печенья и кладет несколько штук на блюдце.

– Вы… позволите нам увидеться? – хватаюсь за кружку обеими руками, как за спасательный круг, обжигаюсь, но не отпускаю. Чай обволакивает горло сладкой горечью, возвращая силы.

– Позволю, – кивает полковник, снимая фуражку и кладя ее на стол. Короткая темная стрижка чуть взъерошена, высокий лоб с морщинкой между бровей, и в этот момент он кажется не просто офицером, а человеком надежным, как скала. – Я найду твоего Алихана. Дам вам час в актовом зале. А ты пока приди в себя. Выпей чай, умой лицо вон в той раковине. Правда, вода в кране только холодная течет, но тебе пойдет на пользу. И не бойся – здесь ты в безопасности.

– Спасибо…

Стою у раковины, холодная вода льется на лицо, смывая

пыль дороги и соленые дорожки слез.

Руки дрожат, но уже не так сильно – чай с сахаром дал силы, а слова полковника приободрили. "Здесь ты в безопасности", – эхом отдаются они в голове. Хочется верить, что здесь мне действительно ничто не угрожает.

Вытираюсь его полотенцем – грубым, казенным, пахнущим стиральным порошком и чуть-чуть мужским потом. Оно большое, как и его ладони: мозолистые, сильные, способные сейчас защитить, а в другой ситуации и… Я краснею, отгоняя непрошенные мысли, которые явно навлекли на меня вредные джинны.

Выходя из закутка, вижу, что полковник стоит у окна спиной ко мне, курит. Дым от сигареты вьется лениво. Он не оборачивается сразу, но я чувствую его взгляд даже так – тяжелый, оценивающий. Он смотрит на меня через отражение в стекле.

– Готова?

– Да… Спасибо вам. Я даже не знаю, как…

– Не надо слов, – перебивает он и тушит сигарету. – Идем. Зал в третьем блоке. Никто вас не потревожит, у ребят скоро отбой.

Мы выходим в коридор. Шаги его гулкие, уверенные, мои – робкие, семенящие следом.

Солдаты, встретившиеся в коридоре, вытягиваются по стойке "смирно" и бросают на меня любопытные взгляды.

Опускаю голову, прячась в тени широкой спины полков-

ника. Он не дает им шанса даже заговорить – одним жестом заставляет отвернуться.

Дверь зала – тяжелая, железная. Полковник достает ключ, отпирает и зажигает свет внутри.

– Твой Алихан будет здесь через десять минут. У вас час, не больше.

Он смотрит на меня в упор, и его глаза темнеют. На миг кажется, что он хочет сказать что-то еще, коснуться – рука дергается, но остается на месте. Затем кивает и выходит, лязг двери эхом отдается в груди.

Я остаюсь одна. Сердце колотится, как барабан. Сажусь на ближайший стул и обхватываю себя руками.

Минуты тянутся вечностью.

Наконец раздаются шаги за дверью.

Дверь со скрипом открывается, и в проеме появляется он. Алихан.

– Ты? – хрипло рявкает он. – Что ты тут делаешь?!

Глава 5

Делаю шаг навстречу мужу – и тут же замираю, потому что холод в его глазах останавливает лучше любого приказа.

– Я должна была тебя увидеть. Поговорить. – Голос дрожит, и я ненавижу себя за это. – Мне сказали, ты собираешься подписывать контракт.

Он усмехается:

– А ты думала, я буду спрашивать у тебя разрешения?

– Я не про разрешение, – выдыхаю. – Я про нас. Про тебя. Про то, что ты… – запинаюсь, – ты ведь можешь оттуда не вернуться.

Секунда тишины. Потом он делает шаг ближе, и мне кажется, что сейчас он меня обнимет, и все проблемы останутся в прошлом. Ведь мы любим друг друга! Но нет… Он складывает руки на груди, держа дистанцию.

– Про на-ас? – повторяет он, будто пробуя слово на вкус, и оно ему горчит. – Ты опоздала с этим.

Он смотрит на меня так, будто едва узнает. Это больше не мой Алихан, это какой-то чужой мужчина.

– У меня нет желания говорить «о нас» после того, что я узнал.

– Что ты узнал?

– Мать звонила. Сказала, что видела тебя с Самиром. Что вы целовались прямо на улице. Прилюдно. Вот что я узнал, –

морщится, выражая крайнюю степень брезгливости.

У меня темнеет в глазах, будто кто-то резко погасил свет. Хватаюсь пальцами за край ближайшего кресла, чтобы не пошатнуться. Ну зачем она врет?! Ведь не было никакого поцелуя! Не бы-ло!

– Нет… – шепчу. – Алихан, это не так. Это ложь!

– Не так? – он почти не повышает голоса, но от этой спокойной жесткости становится страшнее. – Получается, моя мать мне соврала, да? И тебя вообще рядом с ним не было?

– Я была на улице, – признаюсь и торопливо поднимаю руки, как будто это может меня защитить. – Но всё было не так, как она сказала. Мы не целовались. Он предложил уехать с ним. Но я отказала.

– Отказала, угу, аж два раза, – Алихан чуть прищуривается. – Зумруд, меня утомили твои сказки.

Ощущаю, как горят щеки – не от стыда, от беспомощности.

– Алихан, клянусь тебе, я не изменяла! Ни сердцем, ни… ничем.

Он отворачивается на мгновение, словно ему противно слушать. Потом снова смотрит – и этот взгляд режет.

– Зумруд, ты понимаешь, как это выглядит? – спрашивает он тихо. – Я здесь. В части. У меня решение, которое может стать последним. А мне говорят, что моя жена целуется с другим. На улице. И ты приезжаешь сюда, будто ничего не случилось, и просишь меня… что? Поверить тебе? Остать-

ся?

– Да! Я прошу тебя остаться. Я прошу тебя не подписывать ничего! Потому что если ты уедешь… – голос мой опять ломается, но я удерживаюсь, не плачу, – если ты уедешь, и мы разойдемся вот так, на лжи и чужих словах, это убьет меня!

– Чужих словах? – Алихан шумно выдыхает. – Мать мне не чужая. Она не стала бы лгать! Хватит уже обвинять других, ты сама завралась! Потаскуха!

– Алихан, он преследовал меня. Я не давала повода, клянусь!

Алихан молчит. Тишина в актовом зале становится тяжелой, как мокрая ткань.

– Я приехала, потому что ты мой муж. Потому что люблю тебя. И потому что боюсь, что ты уедешь туда, откуда люди возвращаются другими… или не возвращаются вообще. Пожалуйста, верь мне.

– Любишь, – повторяет он холодно. – Тогда почему вообще появился Самир? Почему ты позволила ему быть рядом? Почему, Зумруд?! – Алихан хватает меня за плечи и встряхивает.

– Я не позволяла, – отвечаю резко, и впервые в моем голосе появляется злость. – Я живу, Алихан! Хожу по улицам. Жду тебя. Я не виновата в том, что кто-то решил ко мне пристать!

– И все равно, – произносит он глухо. – Мне больно. Надо

мной потешаются, что я рогоносец… – он замолкает, стискивая челюсть. – Я выгляжу идиотом.

– Ты не идиот, – говорю мягче. – Ты живой человек. И тебе больно, потому что ты тоже любишь меня. Я понимаю и прощаю. Но ты не имеешь права наказывать меня за то, чего я не делала.

– А как же постель? У тебя не было крови!!

Сердце сжимается, но я не отступаю.

– Если бы ты дал мне шанс, я бы доказала тебе, что была невинна… Иногда так бывает, Алихан.

Он смотрит мимо меня, на сцену, на занавес.

– Бывает только у тех, кто спит с другим! – злится он. – Думаешь, я алень? Контракт уже на столе у командира. Я всё решил. Я уезжаю.

У меня холодеют пальцы.

– Не подписывай, откажись! – прошу почти шепотом и хватаю его за плечо.

– Ты для меня умерла, Зумруд, – цедит он. – Проваливай, пока не отдал тебя на потеху роте.

Ч-что?

Слова Алихана бьют наотмашь, лишая возможности дышать. В его глазах не просто гнев, а выжженная пустыня, где не осталось места ни для жалости, ни для памяти о нашем общем прошлом.

– Ты… ты говоришь это серьезно? – мой голос срывается, превращаясь в надломленный всхлип.

Он не отвечает. Демонстративно отворачивается, показывая, что разговор окончен.

Тишину зала внезапно разрывает грохот тяжелых дверей.

Входят трое солдат.

Они навеселе, запах перегара и табака шлейфом тянется за ними.

– Опа-а! Алихан… – тянет один, ухмыляясь. – Это что за тайная встреча?

– Какая красавица с тобой… – подхватывает второй, поедая меня взглядом, от которого мне делает не хорошо.

Чувствую себя не человеком, а предметом, выставленным на показ – в пустом актовом зале, под чужими сальными взглядами и смешками.

– Познакомишь? – снова лезет тот же голос. – Неужто прятал от нас такую девочку под кроватью?

У меня перехватывает дыхание, когда Алихан ровно, без малейшей паузы бросает:

– Это жена моя… бывшая.

Слово «бывшая» ударяет в висок. Даже не сразу понимаю смысл, только чувствую, как ледяная волна проходит по коже.

– Как… бывшая? – едва выговариваю я. Голос получается тонким, чужим. – Алихан, ты… ты не дал мне талак.

Он поворачивает голову ко мне, и в этом движении нет ничего человеческого – лишь раздражение, будто я задерживаю его лишнюю на минуту.

– Не проблема, – произносит он буднично. – Сейчас скажу трижды: развожусь. И ты перестанешь быть моей женой. Вот так просто.

У меня темнеет перед глазами. Не от самого слова, а от того, как легко оно слетает с его языка. Пытаюсь вдохнуть, но воздух застревает в груди.

– Алихан… – шепчу я. – Ты не можешь вот так… при них… я же…

Солдаты прыскают. Слышится шорох сапог, удары плечом о стену – кто-то толкает друга, они ведут себя, как пьяные дикари на ярмарке.

– Раз не жена… – произносит один слишком громко и уверенно. – Тогда, может, поделишься? А, Алихан? Красавицу-то жалко отпускать за ворота. Когда теперь в следующий раз перепадет женского тела?

Отступаю на полшага к железной двери, но меня сразу удерживают – не грубо, скорее по инерции, однако мне от этого не легче.

Мне хочется исчезнуть. Провалиться сквозь кафель. Чтобы ни один взгляд не мог меня достать.

Алихан смотрит на них беззлобно. На секунду кажется, что сейчас он оборвет их, скажет «заткнитесь».

Но вместо этого он говорит:

– Она безотказная, будет совсем не против. Забирайте!

Ко мне тянутся чужие руки, бесцеремонно стаскивают с головы платок.

От шока не могу выдохнуть, не то, что – крикнуть!

Две пары рук отрывают меня от пола и поднимают вверх. Чьи-то пальцы больно щиплют за бедро. В голове бьется лишь одна мысль: я пропала… После этого только смерть.

«Ты для меня умерла, Зумруд. Проваливай, пока не отдал тебя на потеху роте».

И он исполнил свою угрозу. Отдал меня своим пьяным друзьям…

Глава 6

Полковник Алхазов

Медленно иду по пустому коридору. В голове варится каша из мыслей о Мусанове и его юной жене, завтрашним отъездом ребят и Ларисе, которая снова напрашивалась ко мне в квартиру.

Алихан всегда был одним из лучших срочников: дисциплинированный, надежный, исполнительный. Помню, как он светился, когда рвался домой к своей Зумруд. А вернулся уже другим…

Сначала отказался от контракта в «горячую точку», когда ему предлагали, а потом прилетел как ошпаренный – «Подпишу всё, отправляйте куда угодно, хоть в самое пекло».

Ясно же, что у парня личная драма. И когда в часть приехала эта девчонка, я решил дать им шанс. Думал, поговорят в тишине актового зала, выяснят всё.

Милая она, эта Зумруд. Совсем молоденькая еще, глаза испуганные, а во взгляде такая отчаянная преданность, что сердце щемит даже у такого старого сухаря, как я. Жалко её. Не похожа она на гулящую, ох как не похожа.

Но на душе неспокойно. Мусанов сейчас – это граната с выдернутой чекой. Парень он горячий, а в таком состоянии может натворить глупостей, о которых будет жалеть всю оставшуюся жизнь.

Но через двадцать минут меня начинает подтачивать тревога. Решаю заглянуть в зал раньше обещанного часа. Мало ли что…

Грохот дверей отзывается эхом. Первый шаг внутрь – и воздух застревает у меня в горле от ярости. Не той ярости, что орет, а той, что принимает жёсткие решения.

В центре зала настоящий хаос. Трое солдат, судя по всему, в самоволке и под градусом, накинулись на девчонку.

Они усадили ее на стул, один держит одну ногу, другой – вторую, а третий пытается к ней пристроиться.

Зумруд кричит, но её крик захлебывается в их сальном хохоте.

А Мусанов?! Алихан стоит в паре метров будто окаменевший. Его взгляд пустой, невидящий, направленный куда-то сквозь них. Он не защищает. Он просто смотрит, как уничтожают женщину, которую он клялся беречь перед Всевышним.

– ОТСТАВИТЬ!!! – мой рык заставляет стены дрожать.

Оказываюсь рядом в три прыжка. Первого отшвыриваю так, что он сносит собой ряд стульев.

Второго беру на болевой, сминая хрящи, и впечатываю лицом в пол.

Третий успевает отскочить, мгновенно трезвея от ужаса перед моими погонами.

Зумруд падает на колени, судорожно пытаясь прикрыть обнаженные плечи остатками одежды. Слёзы градом катятся

по её лицу.

– КТО ПОЗВОЛИЛ?! – перевожу взгляд с подонков на Мусанова. Тот наконец фокусирует взгляд, но в нем абсолютная пустота.

Солдаты мнутся, икая от страха.

– Так Алихан, он сам сказал… он разрешил… тов… рищ…

Чувствую, как внутри закипает холодная ярость.

– Значит так, герои, – говорю тихо, и от этого тона они бледнеют еще сильнее. – Потехи вам захотелось? Завтра в пять утра – рейс. Отправляетесь прямиком на передовую, в первую же линию. Там покажете свою удаль. А если узнаю, что кто-то из вас не доехал до окопов – лично под трибунал пущу. Вон отсюда! С глаз моих!

Они выметаются из зала быстрее пули. Алихан делает движение, хочет что-то сказать, но я вскидываю руку, останавливая его.

– Не сейчас, Мусанов. И упаси тебя небо даже подойти к ней. Ты сегодня перестал быть мужиком.

Подхожу к дрожащей Зумруд. Она сжалась в комок, боясь даже поднять голову.

Осторожно снимаю свой китель и накидываю ей на плечи. Сукно скрывает её хрупкую фигуру, мои тяжелые погоны ложатся на её худые плечи.

– Тише, девочка… тише, – помогаю ей встать. – Ш-ш-ш… всё закончилось. Теперь ты под моей защитой.

Собственническим жестом приобнимаю её за плечи, чувствуя, как она вся вжимается в меня, ища спасения.

– Дыши, – говорю ей тихо. – Ты в безопасности. Смотри на меня.

В её зеленых глазах – бездонная благодарность, а в моей голове уже стучит только одна мысль. Мусанов её не достоин. Он её выбросил. А я такие подарки судьбы назад не отдаю.

– Идем со мной, – говорю, уводя ее прочь из этого проклятого зала.

Вести её через плац в таком состоянии – всё равно что бросать на амбразуру. Зумруд идёт, едва переставляя ноги, утопая в моём кителе, который висит на ней, как тяжелая отцовская броня. Она молчит, но я чувствую, как её колотит мелкая, изнуряющая дрожь.

В кабинете первым делом запираю дверь. На засов. Чтобы ни один любопытный посыльный, ни одна живая душа не посмела войти без спроса.

– Сядь, Зумруд. Просто сядь, – указываю на своё глубокое кожаное кресло.

Она опускается на самый край, сжимаясь в комок. Достаю из сейфа заветную плитку шоколада и коньяк – не для того, чтобы напоить, а чтобы согреть изнутри. Наливаю в кружку крепкий чай, плеснув туда каплю спиртного, и пододвигаю ей.

– Пей. Маленькими глотками. Это приказ, если хочешь.

Она послушно берет кружку обеими руками. Зубы стучат о край керамики. Смотрю на её тонкие пальцы и чувствую, как во мне ворочается что-то давно забытое. Рефлекс защитить слабого? Или просто человеческое милосердие?

Нет, здесь что-то другое.

Изумруд… Она в этом кабинете кажется чем-то инопланетным, чистым, совершенно не принадлежащим этому миру уставов и сапог. Красивая девочка.

Когда гарнизон затихает, а патрули уходят на дальний обход, вывожу её через черный ход штаба. Пятиэтажка для старшего офицерского состава стоит тут же, за плацом.

– Почти пришли, – шепчу, подбадривая её.

У самого подъезда, в свете тусклого фонаря, вижу знакомый силуэт. Лариса. Наш начмед, капитан медицинской службы. Женщина эффектная, умная, знающая себе цену и давно намекающая мне, что холостяцкая жизнь полковника – это досадное недоразумение, которое она готова исправить.

– Захар? – её голос звучит удивленно. – А я думала, ты уже дома. Заходила к тебе полчаса назад, хотела обсудить отчет по медикаментам…

Её взгляд мгновенно соскальзывает с моего лица на фигуру рядом. Лариса – опытный диагност, она сканирует Зумруд за секунду. Видит мой китель на её плечах. Видит заплаканные глаза и растрепанные волосы.

В глазах Ларисы вспыхивает холодный, ревнивый блеск.

Она не дура и понимает, что в части ЧП, но женская интуиция тут же рисует ей совсем другие картины.

– Кто это с тобой? – её голос становится сухим, как осенний лист.

– Лариса, потом. Не сейчас, – отсекаю попытки расспросов.

– Захар, девочка в шоке, это видно. Я всё-таки врач, давай я помогу, осмотрю её, – она делает шаг вперед, и в этом жесте больше желания разведать обстановку, чем искреннего сострадания.

– Я сказал – потом, Лариса! – мой голос звучит жестче, чем я планировал. – Справимся сами. Спокойной ночи.

Я не оборачиваюсь, чувствуя её сверлящий взгляд в спину. Лариса не из тех, кто забывает такие сцены. Завтра по части поползут шепотки, но сейчас мне плевать. Здоровье и рассудок этой девчонки важнее любых сплетен.

– Проходи. Вот ванная, умойся теплой водой. Я сейчас найду тебе что-нибудь переодеться.

Достаю из шкафа свою самую мягкую фланелевую рубашку. На Зумруд она будет как платье, но сейчас комфорт важнее эстетики.

Пока она умывается, быстро готовлю постель. Достаю из аптечки проверенное успокоительное.

Когда она выходит из ванной – бледная, с мокрыми ресницами, в моей огромной рубашке – она кажется еще более беззащитной. Сердце пропускает удар. Ч-черт…

– Вот, выпей это, – протягиваю ей таблетку и стакан воды, замечая, что мой голос стал хриплым. – И ложись. Завтра наступит новый день. О Мусанове не думай. О тех подонках тоже. Я здесь. Спи.

Она ложится, и я заботливо укрываю её одеялом, подтыкая края, как делал когда-то очень давно… в другой жизни, с другой женщиной.

Зумруд закрывает глаза, и её дыхание постепенно выравнивается. Лекарство подействовало.

Выхожу на кухню, не зажигая света, и выбиваю из пачки сигарету. Сажусь у окна и смотрю на огни части. В моей квартире спит девочка в беде. И я знаю одно: чего бы мне это ни стоило, я её больше не отпущу туда, где ей могут причинить боль.

Глава 7

Пять утра. Небо за окном свинцовое, без единой звезды. Я не спал. Не мог. Мысли крутились, как винт вертолета, возвращаясь к одному и тому же: к её лицу, когда она наконец уснула. К тому, как она выглядела в моей рубашке. К тому, как она теперь лежит в моей постели.

Плац. Холодный, предрассветный ветер заставляет зябко поеживаться. Автобус уже стоит, мотор работает на холостых, выдыхая клубы белого пара. Рядом – группа контрактников. И Мусанов среди них.

Они строятся. Вид у них совершенно не боевой. Вид у них – побитых собак. Глаза в землю, плечи ссутулены. Они знают, куда едут. Не на учения. Не на смену гарнизона. На линию. Туда, где земля пахнет порохом и страхом, а не дешевой водкой и похабщиной.

Прохожу вдоль строя медленно. Останавливаюсь напротив первого из вчерашней троицы. Он пытается не дышать.

– Вспомни вчерашний вечер, – говорю тихо, так, чтобы слышал только он. – Вспомни её лицо. Возьми этот образ с собой. И знай: если тебе повезет вернуться – я буду ждать. Чтобы закончить наш разговор.

Подхожу к Мусанову. Он выглядит так, будто за эту ночь постарел на десять лет. Осунувшийся, с серым лицом и запекшимися губами. Стоит, глядя куда-то поверх моей голо-

вы.

– Мусанов, ты выбрал контракт вместо женщины. Получай. Докажи, что ты ещё хоть что-то стоишь. Хотя бы как солдат. И если ты когда-нибудь вспомнишь, что такое честь – начни с того, чтобы больше не лезь к ней. Никогда.

Он молчит. Челюсть сжата так, что, кажется, зубы треснут. Он не смотрит на меня.

– Все в автобус! – бросаю сухо.

Они начинают грузиться в транспорт, тяжело и неохотно.

Дверь шипит, закрывается. Автобус трогается, медленно выползая за ворота части и растворяясь в утреннем тумане.

Я стою ещё несколько минут, пока звук мотора не стихает вдали.

Мысли снова возвращаются к Зумруд. Она выглядела такой крошечной в моей огромной постели. Такой чистой, несмотря на всё то дерьмо, через которое её протащили.

И именно там, в ночной тишине, я принял окончательное решение.

Она не вернется в свой аул под косые взгляды соседей. Она не будет больше плакать из-за ничтожества, которое только что уехало в сторону фронта. Мусанов выставил её за дверь, отказался от неё – значит, потерял на неё все права. А я такие подарки судьбы обратно не отдаю.

Резко разворачиваюсь и иду обратно к дому. Быстро поднимаюсь по лестнице. Ключ поворачивается в замке почти бесшумно.

В квартире тихо. Пахнет сном и чем-то новым, незнакомым – её присутствием.

Подхожу к двери спальни. Приоткрываю её. Она спит. Закуталась в моё одеяло, подложив под щеку ладонь. Лицо в рассветных сумерках кажется почти детским, беззащитным. Только тени под глазами выдают пережитый кошмар.

Я её никуда не отпущу.

Это не решение. Это факт. Как то, что земля крутится вокруг солнца. Она пришла сюда сломанная, брошенная. И теперь она здесь, в моих стенах. Под моей защитой. И эта защита не закончится, когда она проснётся. Она не закончится никогда.

Она может испугаться. Может захотеть уйти. Но я найду слова. Я найду способ. Я дам ей всё, что нужно: безопасность, заботу, тихую гавань после её бури. А потом… потом посмотрим.

Тихо закрываю дверь. Иду на кухню, ставлю чайник. Пока он закипает, мои мысли уже строят планы. Как оформить её пребывание здесь. Как объяснить сослуживцам. Как оградить от любопытных взглядов и вопросов. Особенно от Ларисы.

Чайник свистит. Гашу огонь. Звук, кажется, будит её – из спальни доносится тихий шорох.

Захожу в тот момент, когда она пытается сесть. Огромная мужская рубашка соскальзывает с её плеча, обнажая тонкую кожу.

Зумруд вздрагивает, её пальцы вцепляются в край одеяла, а в глазах – тот самый затравленный блеск, который я видел вчера в актовом зале. Она еще не поняла, где она. Она все еще там, в окружении подонков.

– Тише, – говорю я, останавливаясь у порога, чтобы не пугать её своей близостью. – Это я, Захар. Ты у меня дома. Здесь никого нет.

Она медленно выдыхает, и напряжение в её плечах чуть спадает, но она всё равно смотрит на меня настороженно, снизу вверх.

– Они уехали? – голос ее тихий, надтреснутый.

– Уехали. Больше никто к тебе не прикоснётся. Никто не посмеет даже посмотреть в твою сторону.

Подхожу к окну и резким движением раздвигаю шторы. Свет заливает комнату, безжалостно обнажая её хрупкость на фоне моей массивной мебели.

Поворачиваюсь к ней. Зумруд сидит, подтянув колени к подбородку, крошечная, потерянная.

– Алихан тоже… там? – она едва произносит его имя, будто оно обжигает ей язык.

– Тоже. О нём забудь. Его больше нет в твоей жизни. Считай, что это был плохой сон, который закончился.

Вижу, как она сглатывает слезы. Она не плачет вслух – эта девочка научилась страдать молча, и это бьет по мне сильнее любого крика.

Мне хочется подойти, обнять её, спрятать от всего мира,

но я сдерживаюсь. Сейчас нельзя. Сейчас я для нее – еще один мужчина в форме, еще один источник потенциальной опасности.

– Вставай, – командую я, стараясь смягчить тон. – В ванной есть чистые полотенца. Твои вещи… – запинаюсь, вспоминая разорванное платье. – Я распоряжусь, тебе привезут всё необходимое. Завтрак на столе.

– Захар… товарищ полковник… – она поднимает на меня взгляд. – Куда мне идти? У меня ничего не осталось. Дом… там меня не примут после такого. Алихан сказал…

– Мне плевать, что сказал этот трус, – перебиваю я, делая шаг к кровати. – Ты никуда не пойдёшь. Ты останешься здесь. Под моим присмотром. Пока я не решу, что ты в безопасности. А я редко меняю свои решения.

Вижу в её глазах смятение. Она не понимает, почему я это делаю. Она ищет подвох, ищет цену, которую ей придется заплатить. Но я не собираюсь ей ничего объяснять. Пока не собираюсь.

– Ешь, – повторяю я. – Через час мне нужно быть в штабе. Квартира в твоём распоряжении. И мой тебе совет: никуда отсюда не выходи, Изумруд.

– Я Зумруд, – тихо отвечает она.

– Разве это не одно и то же? – пожимаю плечами.

Выхожу из комнаты, плотно прикрыв дверь. Сердце стучит в рёбра с какой-то дикой, первобытной силой. Знаю, что нарушаю все уставы, все негласные правила. Полковник Ал-

хазов поселил у себя девчонку, жену своего подчиненного. Сплетни полетят по гарнизону быстрее пуль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.